

E. V. Рахилина

О СТАРОМ:
АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны...

M. Цветаева

1. Вид как внутреннее время

Известно, что в языке не только глаголы, но и имена могут быть охарактеризованы по времени. Действительно, если грамматическое время глагола соотносит момент совершения действия с моментом речи (раньше, позже, одновременно), то совершенно так же могут быть охарактеризованы и некоторые имена, в том числе предметные, и среди них в первую очередь имена лиц. Этот эффект подробно описан в целом ряде исследований (ср., например: [13]; на русском материале: [6; 12; 4, 375]), где имена (по большей части — имена лиц) рассматриваются в контексте прилагательных *былый*, *будущий* и под. Во всех этих работах речь идет о том, что сочетания типа *былый чемпион* интерпретируются совершенно аналогично формам глаголов прошедшего времени: «время жизни» признака, который лежит в основе номинации соответствующего объекта, соотносится с моментом речи.

Между тем события и описывающие их глаголы имеют еще и так называемые «внутренние» временные характеристики, встроенные в значение лексемы. Их вполне можно назвать видовыми, так как именно благодаря виду ситуация оказывается как бы распределена во времени: она может быть сжата, растянута, повторена и т. д. Известной задачей в области семантики в связи с этим является построение классификации предикатов, которая бы отражала специфические различия между ситуациями, а именно: какого рода ситуацию описывает данный глагол — «склонную», подлежащую сжатию (или, например, повторению) или наоборот,

Данная работа выполнена при поддержке фонда Research Support Scheme of the Open Society Institute (грант № 49/94). Автор признателен Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, Л. И. Куликову, Б. Парти, В. А. Плуцяку, М. В. Филиппенко, А. Д. Шмелеву и Т. Е. Яако за советы и замечания.

не допускающую этой и подобной ей операций: ср. в этой связи прежде всего пионерскую работу З. Венделера [17], а на материале русского языка — [3]; из последних работ ср. [7], а также (в типологическом контексте) [8].

То, что аспектуальные характеристики присущи производным от глагола именам, можно, ссылаясь на пары типа *спаситель — спасатель*, считать общепризнанным (некоторые тонкие наблюдения на этот счет содержатся в работах Е. Я. Шмелевой, см. прежде всего [11]). Однако остается открытым вопрос, можно ли обнаружить коррелят глагольного вида (или — «внутреннего времени») в собственно предметной лексике и, опираясь на эти аспектуальные характеристики, построить ее классификацию. В связи с этой задачей рассматриваются употребления имен в атрибутивной конструкции с прилагательным *старый*¹.

Оговорим сразу, что предикатные употребления слова *старый* мы сознательно исключаем. Дело в том, что предикатные употребления вообще имеют особую семантику и, в отличие от атрибутивных, они не предполагают семантического согласования с именем, а как бы навязывают имени определенный признак. Это обстоятельство не раз отмечалось в литературе (ср. также ниже, раздел 5, Замечание); интересно, что в работах, написанных в рамках грамматики Монтею, предлагается трактовка предикатного употребления как «экстенсионального», а атрибутивного — как «интенсионального» (см., в частности: [14, 10–11]; ср. также: [16, 7]).

2. Старые вещи

Для удобства изложения мы начнем с того материала, который касается неодушевленных объектов, и будем говорить преимущественно о «старых вещах», а не о «старых людях».

Среди контекстов употребления прилагательного *старый* с неодушевленными предметными именами можно выделить четыре интерпретации, которые, впрочем, часто существуют, т. е. оказываются верны для одного и того же словосочетания.

Первая интерпретация: тип *старый лес*.

‘Давно возникший и существующий объект’.

Другие характерные примеры: *старый дуб, слон, гриб, мозоль* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *молодой*.

¹ Отметим, что прилагательное *новый* не является антонимом к *старый* в настоящем смысле этого слова; оно оказывается, в некотором роде, семантически более простым и подробно рассматриваться не будет.

Вторая интерпретация: тип *старая тряпка*.

'Давно используемый и пришедший вследствие этого в ветхость и/или негодность объект'. Заметим, что эта интерпретация практически всегда существует с какими-то другими, так что соответствующие примеры обычно оказываются многозначными.

Другие примеры: *старая одежда, лестница, дом, мебель* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *новый*.

Третья интерпретация: тип *старое русло*.

'Не используемый в настоящее время объект' (эта формулировка требует уточнений, см. ниже).

Другие примеры: *старое место, квартира, лыжня, пломба, повязка* и т. п. Частым антонимом является прилагательное *теперешний*; близким синонимом — прилагательное *прежний* (см. подробнее ниже).

Четвертая интерпретация: тип *старые монеты*.

'Объект, созданный в прошлом и относящийся к прошлому'.

Другие примеры: *старые иконы, серебро, открытки*, ср. также: *старая Москва и старый город*. Частым антонимом является прилагательное *современный*; близким синонимом — прилагательное *старинный*.

Этим четырем интерпретациям, на наш взгляд, соответствуют следующие классы имен со своими особыми «внутривременными» характеристиками.

Имена первого класса (*старый лес*) можно сопоставить с глаголами типа градативов (термин из работы [7, 25–27]): *увеличиваться, уменьшаться, усиливаться* и под. Действительно, к этому классу относятся имена, которые обозначают природные объекты, изменяющиеся во времени (вообще, как мы увидим ниже, идея изменения во времени составляет существенный компонент инвариантного значения прилагательного *старый* и, таким образом, присутствует в семантике лексем всех типов, способных сочетаться с этим прилагательным). При этом оказывается, что, согласно языковой картине мира, далеко не все природные объекты изменяются, и, тем самым, не всякое имя природного объекта может сочетаться со словом *старый*: неизменными остаются солнце и огонь, небо и звезды (ср. **старое солнце*), со временем меняются деревья (но не цветы: увядший цветок просто перестает существовать), горы и утесы (но не холмы и ухабы), леса (за счет деревьев) — но не степь и тундра; одушевляемые звери, как бы сопоставимые с человеком (в том числе и по отпущенному им жизненному сроку), но не червики и стрекозы (ср. **старая стрекоза/оловей*). «Стареют»

бес и ведьма (соответствующие имена с полным правом можно отнести в класс имен лиц), но не привидение, демон или чудовище.

«Глагольным» аналогом для имен второго класса (*старая тряпка*) могут служить делимитативы, описывающие ситуацию, строго ограниченную во времени: *прошел 5 километров, пропел песню и под.*, потому что в этот класс попадают артефакты — имена, описывающие объекты, жизненный срок которых жестко фиксирован. *Старый* описывает в данном случае состояние объекта, в котором он находится, будучи в непосредственной близости от конца этого срока, причем все изменения, которые при этом возникают, однозначно воспринимаются как ухудшающие артефакт. Такой определенности не знают объекты первого класса: в отличие от *старой тряпки, старое дерево не значит обязательно 'плохое'* — оно изменилось по сравнению с прежним своим состоянием, но оно всего лишь обязательно другое, чем раньше. (В этом смысле имя *вино*, скорее, попадает в первый, а не во второй класс, то есть осмысливается не как артефакт, а как природный, живой объект с нежестким жизненным сроком: интерпретация сочетания *старое вино* ближе к интерпретации сочетания *старый дуб*, чем сочетания *старая шляпа*.)

Что касается имен третьего класса (*старое русло*), то в таксономии глаголов к ним, с нашей точки зрения, наиболее близки мультиплекативы, называющие ситуации с повторением фаз: *прыгать, моргать, махать, кашлять, капать* и под. Обратим внимание, что во всех этих случаях следующая фаза вовсе не обязательно в точности повторяет предыдущую, более того, в нормальном случае эти фазы всегда нетождественны: если бы мы взялись аккуратно описывать множественную ситуацию, обозначенную глаголом *прыгать*, мы немедленно бы обнаружили, что следующая фаза (т. е. следующий прыжок) оказывается длиннее или, наоборот, короче предыдущего, резче или слабее, выше или ниже, и т. п. Но с точки зрения семантики глагола (а не описания его денотативной ситуации) это точно такая же фаза, как и предыдущая. Соответственно, в этот класс объединены имена, обозначающие, если так можно сказать, «сменные» объекты, которые обладают следующим свойством: на протяжении ситуации, в рамках которой эти объекты представлены в картине мира, возможна их смена; как только у одного кончается срок жизни, его место занимает такой же. Руслу у реки есть всегда, но может настать момент, когда одно русло исчерпало себя, и тогда возникает новое;ср. также *старый картофель* ('прошлогоднего урожая'). Многочисленны в этом классе названия сменных частей

объекта (ср. *старая шина*, *старый кран*, и т. п.; разумеется, эти имена могут осмысляться и по второму классу — о проблеме множественной интерпретации см. ниже).

Во многом похожая картина обрисована в исследованиях [6; 12, 184–189; 4] применительно к контекстам с *прежний*: там речь также идет об одной и той же роли, которую могут брать на себя разные референты. Представляется, однако, что даже в этой узкой группе контекстов значение слова *старый* отличается от значений *прежний*: в первом четко прослеживается идея 'исчерпания ресурса', поскольку появление нового референта происходит по причине исчерпания ресурса предыдущего референта; играет роль и непрерывность этой смены. Конечно, это достаточно тонкие различия, в большинстве случаев они нейтрализуются и не видны, но в некоторых контекстах эта разница ощущается. Ср.: *В старой тюрьме* было, пожалуй, лучше — так может сказать заключенный, если старое здание тюрьмы поставили на ремонт ('исчерпание ресурса'), но если человек сидел, потом был выпущен на свободу и через несколько лет опять попал в заключение, он скажет, скорее, *в прежней тюрьме*: смена объекта произошла после перерыва и по совсем другой причине.

В связи с этим свойством слова *старый* обратим внимание также на следующее обстоятельство.

Есть объекты, которые, ввиду особенностей их функционирования, можно было бы назвать даже не сменными, а «постоянно сменными», — к ним относятся, например, посуда для сервировки стола или скатерть. Между тем, предложение:

Положи мне второе в старую тарелку

оказывается в обычном случае (не имеющем в виду требование подать другой, старый сервис) неприемлемым (следует сказать: *в ту же тарелку*).

Другой пример. Дама выбирает в магазине платье и примеряет по очереди два, после чего продавец вежливо рекомендует ей остановиться все же на первом, но он почему-то не может при этом посоветовать

— *Мадам, наденьте/купите/оставьте старое!*

хотя в этой ситуации очевидным образом происходила смена объектов.

В обоих случаях дело, на наш взгляд, в том, что при этой смене предыдущий объект не изменился или недостаточно изменился, и главное, не успел выработать своего ресурса, так что смена референта произошла по другой причине, чем завершение «жизненного цикла» объекта, а это нарушает условия употребления *старый*.

Наконец, к четвертому классу (*старые монеты*) относятся так называемые креативные имена, т. е. имена объектов, для которых маркирован момент возникновения, а часто и их автор, создатель². Такого рода объекты (к ним прежде всего относятся произведения искусства, архитектуры, литературы и т. п.) не стареют и не ветшают — они принадлежат к минувшей эпохе, связаны с ней и в каком-то смысле отражают ее. При этом легче всего креативная интерпретация возникает в случае генерического употребления (ср. также раздел, посвященный четвертому аспектуальному классу у имен лиц); так, в приводимых ниже парах к креативной интерпретации в большей степени тяготеет второй пример:

- (i) *Не знаю, что делать с этими старыми книгами.*
- (ii) *Открылся клуб любителей старой книги.*

- (i) *В нашем старом доме не было лифта.*
- (ii) *Старые дома строились иначе.*

Видимо, дело в том, что класс или множество объектов определенного типа связаны со своей эпохой прочнее, чем отдельный их представитель. Именно как отражение предыдущей эпохи они и существуют в настоящем. Это важнейшее свойство креативных имен; некоторым аналогом им в классификации глаголов можно было бы считать перфектные глаголы типа *вспомнить*: в ситуации, описываемой перфектным глаголом, собственно событие происходит давно и однажды (например, момент воспоминания), но затем это событие как бы сохраняет силу, так как неограниченно длящееся последующее состояние является его прямым результатом.

Вообще говоря, это очень небольшой, практически закрытый класс имен, однако можно считать, что в современном языке и современной действительности открылся мощный источник его пополнения за счет «морально устаревших» приборов, ср. в этом значении *старый телевизор/холодильник/компьютер* и т. д. Тем не менее, некоторое тонкое различие между, так сказать, «основными» представителями этого класса и его новейшим лексическим пополнением все же есть, и оно достаточно хорошо проявляется именно в сочетаниях с прилагательным *старый*: *старые картины/иконы/города* имеют в языке скорее положительную оценку, а *старый компьютер* или *холодильник* — отрицательную (интер-

² Интересно, что очень близкая группа имен выделяется при исследовании посессивности, в частности, контекстов с вопросительным чей. В отличие от обычных артефактов, предполагающих в ответе на такие вопросы владельца или пользователя вещи, вопросы с креативными именами предпочитают в качестве ответа имя создателя объекта (подробнее см. нашу работу: [9]).

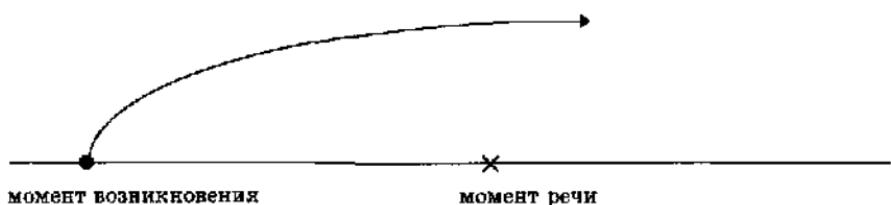
претация этого эффекта будет предложена в следующем разделе статьи).

3. Использование результатов аспектуальной классификации

Таким образом, мы выделили четыре «аспектуальных» типа имен: природные объекты, артефакты с ограниченным сроком жизни, «сменные» и креативные объекты. Каждый из этих типов имеет свои встроенные временные параметры, причем, так же, как и в случае семантической классификации глаголов, нацеленной на описание видовых противопоставлений, эти параметры не навязываются лексеме синтаксическим или грамматическим описанием. Они естественным образом выделяются в ходе детального семантического анализа лексемы, причем такого семантического анализа, который предназначен отнюдь не только для установления ограничений на сочетаемость с временными операторами. Так, если мы описываем, например, лексему *дерево*, в этом описании должно быть обязательно сказано, что дерево — это природный (не созданный человеком) объект, что оно живое и растет, т. е. меняется с течением времени; если же мы описываем лексему *картина*, нам важно, что этот объект — произведение искусства, и, как произведение искусства, оно всегда является творением определенного человека, так что Картина имеет не только имя и/или содержание, но и автора (авторов), и, так сказать, дату рождения. Как видно из этих примеров, все нужные нам аспектуальные характеристики имени легко выделить уже и в этих очень приблизительных с точки зрения лексикографа набросках. Другой вопрос — зачем нужно выделять эти аспектуальные характеристики из толкования и строить на этом основании именную классификацию.

Преимущество такого подхода к семантике имени проявляется, на наш взгляд, в частности, и при рассмотрении контекстов с прилагательным *старый* — ведь в таком случае *старый* представляется как временной оператор только с одним значением, которое можно было бы описать приблизительно как ‘возникший (начавший свое существование / созданный) давно относительно момента речи’. Что же касается различий в интерпретации конкретных употреблений, то они возникают в результате того, что в сочетании с именами того или иного типа это значение естественным образом уточняется.

Для имен первого класса (*старый лес*) — ‘возникший давно относительно момента речи и изменившийся за это время’:

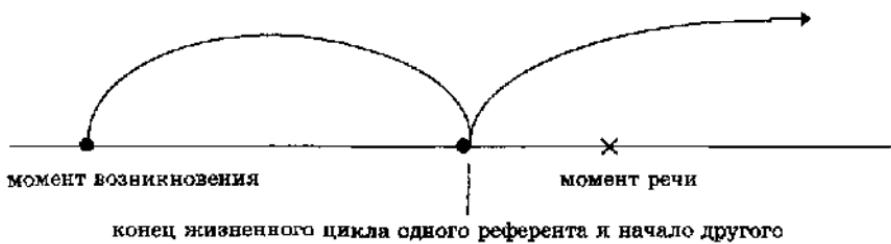

Для имен второго класса (*старая тряпка*) — ‘давно созданный’, причем это ‘давно’ можно измерить: естественной мерой здесь служит фиксированный жизненный срок объекта (‘вещь, созданная так давно, что ее жизненный срок близок к концу’):

Именно это обстоятельство естественным образом объясняет возникающую в сочетаниях данных имен с прилагательным *старый* отрицательную оценку. Тем самым, оценка не является частью семантики *старый* (в русском языке *старый* ни в этом конкретном употреблении, ни вообще не значит ‘плохой’; см. ниже, где мы будем говорить о значении слова *старый* в контексте ‘креативных’ имен), а возникает благодаря специфике имен этого аспектуального класса.

Для имен третьего класса (*старое русло*) мерой времени служит жизненный цикл одного референта, следовательно, в данном случае *старый* понимается как ‘возникший так давно, что жизненный цикл этого референта полностью завершился (и начался жизненный цикл следующего)’:

Для имен четвертого класса (*старые монеты*) — ‘так давно, что прошла эпоха, с которой связаны эти вещи, и наступила другая’. Благоговейное отношение человечества к своему прошлому закреплено в языковой картине мира — не случайно ближайший синоним четвертого употребления *старый*, прилагательное *старинный*, имеет ярко выраженную положительную оценку. Точно так же, положительная оценка, как мы уже говорили, свойственна и сочетаниям с «основными» представителями этого класса (*старые картины* и др.). Что же касается группы имен — названий морально устаревших приборов, то в их оценочном поведении отражен тот факт, что они совмещают свойства имен четвертого и второго классов (артефактов с ограниченным сроком жизни). Действительно, все это вещи, которые человек специально сделал, чтобы их использовать в течение какого-то срока. Между тем, если с этой точки зрения рассматривать «основные» имена четвертого класса, то их использование — если вообще можно применительно к этим объектам говорить о чем-то подобном — в принципе другого рода и по крайней мере не предполагает срока истощения ресурса.

Отсюда отрицательная оценка в одном случае и ее отсутствие — в другом.

4. Об альтернативных решениях

В известных нам исследованиях задача описания семантики прилагательных не связывается прямо с построением семантической классификации существительных³.

Остановимся подробнее на работе Барбары Парти [15], в которой излагается классификация прилагательных (на материале английского языка) по семантическим типам. В частности, среди качественных прилагательных различаются тип *skillful* ('умелый'), тип *former* ('бывший') и тип *tall* ('высокий') — по способу интерпретации соответствующих сочетаний с существительными. Например, всякое множество *skillful N* оказывается подмножеством *N* (так, *skillful surgeon* 'опытный хирург' является элементом

³ Исключением является недавняя статья Дж. Р. Тейлора [16], в которой к анализу семантики английского прилагательного *old* применяются некоторые положения когнитивного подхода. Не имея возможности подробно разобрать здесь эту работу, отметим, что классификация английских существительных в ней в явном виде все же отсутствует, хотя автор указывает и на роль семантики имен в интерпретации конструкций с *old*, и на возможность постулирования у *old* единого значения.

множества хирургов вообще); однако прилагательное из класса *former* уже не удовлетворяет этому условию: *former senator* 'бывший сенатор' никак не может входить в множество сенаторов. С другой стороны, прилагательные типа *tall* характеризуются прежде всего тем, что они описывают контекстно зависимые признаки, интерпретация которых меняется в зависимости от объекта (ср. *высокий мальчик* и *высокий баскетболист*: значения размера, приписываемые в этих случаях, заведомо не совпадут). Поэтому возможны сочетания вида *tall for an East coast mountain* 'высокая для горы Восточного побережья', которые не встречаются у прилагательных других групп.

При таком подходе к семантике сочетаний прилагательных с именами средоточием всех различий оказывается не предметное имя, а прилагательное. Однако если бы мы при анализе нашего материала следовали такому подходу, то разные употребления *старый* должны были бы распределиться по разным семантическим типам прилагательных (ср. тип *former* — наша третья интерпретация сочетаний со словом *старый*, или тип *tall* — наша первая интерпретация). В свою очередь, это привело бы к неоправданному, на наш взгляд, нарушению целостности значения прилагательного — при том, что использование результатов аспектуальной классификации имен как раз позволяет избежать этого, ведь, несмотря на довольно обширные сочетаемостные возможности этого прилагательного, нам удается во всех случаях обойтись одним значением слова *старый*.

В подтверждение этого тезиса мы позволим себе расширить зону рассматриваемых примеров и выйти за пределы неодушевленных объектов.

5. О старых людях

Действительно, оказывается, что если обратиться к именам лиц, которые мы вначале исключили из рассмотрения, то и в этой зоне картина будет очень близкой — в частности, имена лиц тоже делятся на четыре аспектуальных класса, во многом аналогичных рассмотренным ранее.

В первый класс попадают лица, с языковой точки зрения подверженные возрастным изменениям (ср. класс «природных объектов» типа *старый лес*): *человек, бабушка, родители, негр, крестьянин, профессор, художник, мудрец* и т. п. Это прежде всего имена национальностей, имена родства и имена некоторых профессий и

занятий. Что касается имен национальностей, то в данный класс они попадают все (за исключением, по-видимому, слова *русский* — возможно, по морфологическим причинам⁴). Между тем, далеко не все из имен родства могут быть охарактеризованы по возрасту, а только родственники старшего поколения: *тетя/дядя, отец/мать, бабушка/дедушка*. Любопытно, что ни братья и сестры, ни племянники, ни дети и внуки с языковой точки зрения как бы не имеют возраста, ср. сомнительность не только *? мой старый брат/племянник/внук/но и ? мой пожилой/молодой внук/брат* и т. п.

Имена профессий и занятий в основном, как мы увидим, относятся к следующему классу, а в первый класс попадают только те, для которых менее всего значима профессиональная опытность. Это свойство, с одной стороны, творческих профессий, а с другой — занятий, не требующих специальных навыков. Так, например, мастерство писателя, в общем-то, не связано с тем, как долго он занимается литературным трудом; то же верно для лексем *музыкант, художник, учений, няня, сиделка, волшебник, барин, бродяга, шут, палач, сторож, швейцар*, а также названий многих «должностей»: *инспектор, вождь, профессор, академик, адмирал, комендант* и др. Во всех этих случаях изменения, происходящие с течением времени (а это, как мы помним, важнейший компонент инвариантного значения слова *старый*), касаются не профессиональной характеристики лица, а лишь его возраста — отсюда «возрастная» интерпретация такого рода сочетаний с именами лиц.

Второй класс составляют имена лиц, выделяемые по некоторому признаку, такому, что этот признак сам способен попадать в сферу действия временного оператора, вытесняя из нее сему возраста человека: *старый друг* давно является другом (так сказать, «давно дружит»), и не важно, молодой он человек при этом или старый. Ср. также: *товарищ* («Старый товарищ бежать пособил...»), *воин* («Но отец твой — старый воин, закален в бою...»), *лгун, игрок, юрист, дипломат, разведчик* и мн. др. Легко видеть, что в этот список попадают в основном «настоящие» профессии, требующие обучения и навыка, а также свойства, набирающие силу со временем.

⁴ Обратим внимание, что встречающийся время от времени иронический неологизм *старые русские*, построенный как антоним к (кальке) *новые русские*, имеет другую интерпретацию и по нашей классификации, скорее, попадает в четвертый класс.

Вообще говоря, второй класс имен лиц похож на выделенный выше второй класс неодушевленных объектов, куда попали артефакты с ограниченным сроком жизни (*старая тряпка*), но сходство здесь только в акценте на функциональной составляющей. Никакой отрицательной оценки в классе имен лиц, в отличие от имен артефактов, не возникает — даже наоборот: старый солдат, конечно, отличается от молодого, но как раз за счет того, что он опытнее и, следовательно, «ценнее» его, так что в этом отношении данные контексты следует сближать уже не с артефактами, а с классом «природных объектов».

Замечание. Рассмотренные два класса имен лиц представляют с семантической точки зрения довольно сложную картину из правил и исключений. В особенности неясной представляется эта картина для первого, «взрослого», класса имен. Действительно, ведь всякое имя лица имеет, так сказать, право на возраст — и вдруг в языковой картине мира некоторым группам лексем в этом праве отказано. Можно еще понять, когда какое-то другое изменяющееся во времени свойство оказывается сильнее возрастной характеристики — именно так семантически может быть проинтерпретирован второй класс имен лиц, но почему целые группы имен вовсе не сочетаются с прилагательным *старый* и не принимают хотя бы «взрослой» интерпретации? Таковы прежде всего имена постоянных свойств, ср.: *личность, гений, лжец, двойник* и др. Аналогичным образом ведут себя и многие оценочные имена, ср.: **старый хам/подлец/уличница/лапочка/касатик* и др. Отметим здесь, что невозможны и сочетания этих имен с прилагательным *пожилой*, способным измерять исключительно возраст человека, ср.: **пожилой гений/лжец/хам/двойник/подлец* и т. п.

На наш взгляд, здесь можно усмотреть некоторую общую для естественного языка стратегию, и это единственное, что могло бы облегчить участие лексикографа, обретенного в противном случае лишь механически фиксировать поведение каждой лексемы в контексте прилагательного *старый*, — а именно, известный эффект семантического согласования в атрибутивных сочетаниях (ср., например: [б; 1, 13–15; 2] и др.), который в нашем случае можно было бы сформулировать так: если значение возрастной характеристики лица так или иначе встроено в семантику имени, то оно провоцирует «взрослую» интерпретацию сочетания в целом.

Что значит, что в семантику лексемы встроена возрастная характеристика? Во-первых, концепт лексемы может быть более или менее устойчиво связан с лицами определенного возраста, ср.: *академик, адмирал, профессор*, в отличие от значительно более неопределенных с точки зрения возраста должностей, как *чиновник, инструктор, руководитель, председатель* и т. д. Среди имен родства наиболее определены в отношении возраста как раз лица старшего поколения.

Во-вторых, признак, по которому осуществляется номинация, может так или иначе коррелировать с возрастом (усиливаться или ослабляться) — такого рода информация тоже составляет часть концепта имени, и сочетание интерпретируется как 'N во-преки или благодаря преклонным годам', ср.: *старый весельчак/ворчун/говорун* и т. д.

Наконец, общие имена лиц типа *человек, мужик, женщина* (сходную с общими именами семантическую структуру имеют, по-видимому, и имена национальностей) содержат переменную по возрастной характеристике — носитель языка понимает, что имя *человек* обозначает живое существо, которое не охарактеризовано, но может быть охарактеризовано по возрасту.

Во всех остальных случаях (в частности, когда имя названо по некоторому постоянному свойству) семантического согласования внутри атрибутивного сочетания не возникает, так как номинация имени не связана с возрастной характеристикой (ср. обсуждение сходных примеров в нашей статье [10]).

Третий класс имен лиц может быть очерчен достаточно ясно, и при этом он оказывается абсолютно аналогичен третьему классу неодушевленных объектов (типа *старое русло*) — это «сменные» должности и свойства: *директор, министр, декан, правитель и под.*

Четвертый класс оказывается самым малочисленным. Он тоже аналогичен четвертому классу собственно предметных имен, выступающих свидетелями своей эпохи (*старые монеты*); наиболее бесспорным представителем здесь является, на наш взгляд, слово *мастер*, ср.: *картины старых мастеров* — не 'пожилых', не 'опытных', не 'предыдущих', а тех, которые работали в старину ('старинных'); ср. также *старая интеллигенция, эмиграция, старые учителя* ('учителя старой школы'), *старые специалисты*. Так же, как для креативных имен важен момент их создания, для имен лиц, попадающих в четвертый класс, важно, чтобы характеризующее их свойство имело начало, точку отсчета, — мастером или интеллигентом (в отличие, скажем, от гения) можно в некоторый момент стать (чтобы потом им навсегда оставаться), и это значит начать работать, как другие мастера (этой эпохи), или жить, как живет интеллигенция (этой эпохи). Отсюда, во-первых, невозможность в этом классе имен лиц, описывающих индивидуальные характеристики, — таких, как, например, лексема *герой*: героем можно стать, но при этом не происходит отождествления нового героя с его предшественниками-современниками; таким образом, именно благодаря сугубой индивидуальности

герой попадает не в четвертый класс, а, скорее, в класс лиц, описываемых постоянными свойствами и не допускающих при себе временного оператора *старый*. Во-вторых, из этого следует и «склонность» к генерическим употреблениям, свойственная также креативным именам, ср. здесь допустимость интерпретации в смысле 'старинный, старых времен' таких сочетаний, как *старые офицеры/моряки/генералы/руководители* и мн. др., в единственном числе осмыслиемых, как мы видели, по модели первого, второго или третьего аспектуального класса⁵. Как и в случае с неодушевленными креативными именами, этот класс употреблений допускает ярко выраженную положительную оценку.

6. О множественности именной классификации

Итак, каждый аспектуальный тип характеризует свою группу лексем и навязывает, в частности, сочетанию с прилагательным *старый* определенную интерпретацию, причем можно взять пару или даже группу близких по значению лексем и обнаружить, что за счет каких-то семантических различий они, тем не менее, попадают в разные аспектуальные классы. Например, в отличие от *старый букварь*, сочетание *старый учебник* понимается не столько как 'истрепанная книжка', но и как 'учебник предыдущего поколения', т. е. по типу *старое русло* (заметим, что допустима, в особенности во множественном числе, и четвертая интерпретация — 'старинные учебники'). Дело в том, что содержание букваря гораздо более неизменно, чем содержание учебника, и в учебнике, в отличие от букваря, меняется и устаревает не только форма — обложка, переплет и проч., но и способ изложения фактов (а может быть, и сами факты), поэтому учебник — имя третьего аспектуального класса, а букварь — второго (принципиальная возможность множественности интерпретации лексем обсуждается в настоящем разделе ниже).

⁵ В случае очевидных противопоставлений такого рода — практически чинимальных пар — когда единственное число сочетания интерпретируется, скажем, по первому типу, а множественное по четвертому, становятся особенно заметны акцентные различия, сопровождающие разные типы употреблений данных сочетаний. Так, «возрастная» интерпретация предполагает, скорее, безударное *старый*, тогда как, при интерпретации по четвертому типу, *старый*, по-видимому, ударное. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на интонационной проблеме подробнее — это тема для отдельного и более специального исследования.

Имена лиц также предоставляют материал такого рода. Например, имя *грешник*, бесспорно, яркий представитель второго класса: с течением времени грехов становится больше, так что *старый грешник* — это много грешивший человек. Между тем *старый развратник* имеет только «возрастную» интерпретацию, — следовательно, количественные параметры (в отличие от случая с грешником) ничего не добавляют здесь к характеристике данного лица, — т. е., с точки зрения данного фрагмента языкового материала, как бы нельзя быть большим или меньшим развратником⁶. Что же касается способа семантического согласования в этом случае, то, на наш взгляд, здесь остается только одна из возможностей: 'Н вопреки преклонным годам'. Любопытно, что сочетание **старый праведник* оказывается вовсе неприемлемым: имя *праведник* описывает постоянное свойство, не зависящее от возраста лица. Таким образом, *грешник* — это градуируемое, прогрессирующее со временем свойство (второй аспектуальный класс), *развратник* — постоянное свойство человека, но усугубляемое возрастом (первый аспектуальный класс), *праведник* — вне возраста и времени (подобные случаи фактически образуют отдельный, пятый аспектуальный класс).

Рассмотренные примеры призваны были убедить читателя, что даже небольшие семантические различия могут, вообще говоря, привести к тому, что похожие лексемы попадут в разные классы нашей классификации. Вместе с тем, чем больше общего в семантике двух лексем, тем, следовательно, больше вероятность их возможного объединения в один аспектуальный класс. Ну а если это одна и та же лексема? Может ли она относиться к разным классам, или это значит, что у нее необходимо различать более одного значения? Речь идет о примерах типа: «*Надень мои старые ботинки, они еще совсем новые*» (пример Д. Н. Шмелева), когда один и тот же объект (в данном случае — ботинки) осмысливается то как сменивший, то как «стареющий» артефакт, и соответствующее имя должно, следовательно, попадать в разные аспектуальные классы. Примеров подобного рода очень много; в частности, как мы говорили, практически всякий раз интерпретации второго типа с неодушевленными артефактами сопутствует еще какая-то другая; ср. также только что разобранные примеры со словами *букварь* и *учебник*, где возникала возможность не только двоякой, но даже и троекратной интерпретации сочетания.

⁶ Носр.: *Не такой уж он большой развратник.*

На наш взгляд, множественная интерпретация имен естественна, потому что так устроена — по крайней мере в предметной зоне — и сама языковая классификация. Один и тот же предмет, вещь, лицо в языке отражается большой совокупностью разных свойств; эта совокупность имеет некоторую структуру, но вовсе не иерархическую — очень часто при описании предметной лексемы трудно выделить безусловно доминирующую семантическую составляющую. Поэтому, даже будучи уже назван, объект может быть тем не менее воспринят по-разному, в зависимости от ситуации и контекста употребления имени, — т. е. в разных случаях могут выделяться разные свойства, и тогда имя может быть отнесено к разным семантическим типам одновременно. Ведь, например, колодец это одновременно (а не в разных своих значениях!) и емкость, и устройство. С точки зрения теории классификации это значит, что хорошую древовидную (таксономическую) классификацию на материале именной лексики построить нельзя: практически каждое имя будет «стремиться» в несколько классов одновременно, нарушая стройность картины, так что, видимо, лингвистически содержательная классификация имен должна быть фасетной.

Но сложность семантической структуры имени касается не только его таксономических характеристик — точно так же дело обстоит и с другими, в том числе, аспектуальными характеристиками. Что такое *игрушка*? Игрушка — это артефакт, игрушки могут ломаться, портиться и т. д., — у них есть свой срок жизни, поэтому когда мы говорим:

— Давай починим старые игрушки!

имеются в виду вещи, почти отслужившие свое время. Но с другой стороны, те же игрушки делаются в расчете на определенный возраст: погремушки, куклы, конструкторы — все это игрушки, предназначенные, чтобы сменять друг друга, поэтому в контексте:

Его старая любимая игрушка — бегающий мышонок — давно уступила место компьютеру

имя *игрушка* обозначает сменивший объект и должно быть отнесено к третьему классу. Наконец, те же игрушки придумывают, изобретают и изготавливают особые мастера, и используемые при этом способы и приемы, как это бывает при всякой творческой деятельности, оказываются характерными для своего времени, следовательно, во фразе типа:

В Париже прошла выставка старой игрушки —
оправдано ожидать интерпретации, при которой игрушка окажется в четвертом аспектуальном классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Н. Д. Арутюнова. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
3. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
4. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
6. М. А. Кролгауз. Время как семантическая характеристика имени // Семиотические исследования. М., 1989 (Вопросы кибернетики, вып. 159).
7. Е. В. Падучева. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.
8. В. А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара МГУ. М., 1996, вып. 1.
9. Е. В. Рахилина. Семантика посессивности и вопрос (о русской лексеме *чей*) // НТИ, сер. 2, 1996, № 4.
10. Е. В. Рахилина. Лексическое значение и коммуникативная структура // НТИ, сер. 2, 1992, № 6.
11. Е. Я. Шмелева. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
12. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
13. Ö. Dahl. On points of reference // Semantikos, 1975, v. 1, No 1.
14. D. Lewis. General semantics // B. Partee (ed.). Montague Grammar. New York, 1976, 1–50.
15. B. Partee. Lexical semantics and compositionality // L. Cleitman, M. Liberman (eds). Invitation to cognitive science, part 1: Language. Cambridge (Mass.), 1995.
16. J. R. Taylor. Old problems: adjectives and Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics, 1992, 3. 1, 1–35.
17. Z. Vendler. Verbs and times // Z. Vendler. Linguistics and philosophy. Ithaca, 1967.